

БИБЛИОТЕКА
ЮНАГО
ГРАЖДАНИНА

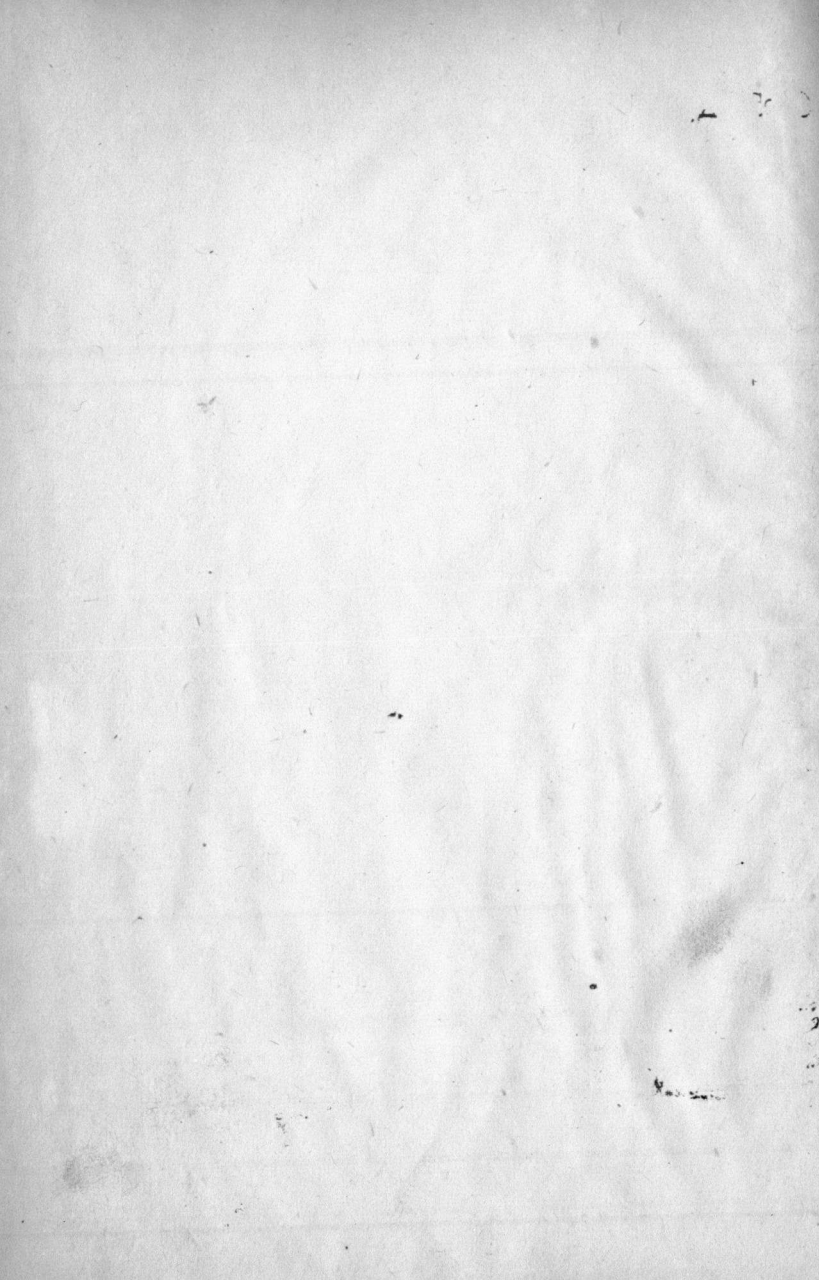
№ 2.

П. Саломатин.

ДРУЖНЫЕ.

Рассказ из жизни детей-кооператоров.

ИЗДАНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО
ЦЕНТРАЛЬНОГО
СОЮЗА
ПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ
О-ВЪ

С165 п.д. БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ГРАЖДАНИНА.

№ 2.

С-165

П. С а л о м а т и н .

ДРУЖНЫЕ.

Рассказ из жизни детей-кооператоров.

КАТАЛОГ

ИЗДАНИЕ

Всероссийского Центрального Союза Потребительных Обществ.

Москва — 1919.

БИБЛИОТЕКА ЮНОГО РАССЛАНИИ

№ 2

И. С. Савицкий

Д. Р. У. Ж. Н. Р. Е.

20/27

1957-58

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

ДРУЖНЫЕ.

I.

На гумнах, точно воробьи, угнездились ребяташки. Лежат, гуторят промеж себя, пугают друг друга разными странными небылицами, услышанными от старших.

Скучно все-таки. Привычные игры надоели.

— Ребята,—вдруг предложил Ваня Стуканов,—давайте играть в кооперацию.

Все оживились. Такой игры еще не было.

— А как ты устроишь?—спросил Петя Павлов.

— Чего устраивать,—видал потребиловку. вот и игра.

— Это все равно в купцы, в продавцы. Так и без твоей кооперации игравали.

— Вовсе не все равно! там нажива, а тут ничего подобного. Торговля то торговля, а между прочим, для общей пользы, без обиды.

— Ну, ладно, пусть так. А только интересу никакого.

— Не стоит, надоело.

— Знаете что, ребята,—вновь начал Ваня — я читал рассказ, будто в других местах ребята разные общества себе делают.

— Врешь, небось!

— Какие общества такие, расскажи.

— Ну какие? Обнаковенно для всякой игры.

— Как же играют?

— Ну... Собираются вместе, как мы теперь, и играют.

— Да во что играют-то?

— В разные игры...

Поднялся хохот.

— Рассказал на копейку, а слушать нечего!

— Уж Ваня скажет — только верь!

Ваня обиделся.

— Вам в серьез говорят, а вы гоготать.

— Чего-ж плакать-то?

— В самом деле, давайте общество устроим. Будем вместе всегда собираться, комитет сделаем, председателя выберем.

— Потом?

— Что потом? Играть будем.

— Во что?

Ваня совсем смешался и в его голосе задрожали слезы.

- Тогда увидим, во что играть.
- Ты теперь скажи.
- Сам не знаешь, а комитет туда же.
- Ванятка правильно говорит — поддержал вдруг Коля Мурашев — комитет сделать, — раз плюнуть. И играть знаю во что.
- Ну ка?
- Выберем комитет, он будет распоряжаться. Приказывать. А остальные приказы выполнять.
- Какие приказы?
- Разные. Какие бывают приказы — ну, правильные, конечно. Опять хохот.
- Вот в колесовину попали, не своротишь.
- Расскажи еще на полушку, дам тебе в макушку.
- Дело никак не клеилось. А устроить общество тянуло.
- Пойдем к дяде Николаю в потребиловку, он скажет.
- Вот слово на месте.
- Идем.
- Айда!

Ребята, как стайка птиц, быстро сорвались с мест и понеслись вдоль села.

- Задумала что-то наша безштанная команда! — сказал повстречавшийся им крестьянин своему соседу.
- Курале-ят, молодозелено.
- Ну, озорства я от них не жду, наши не прочих деревень, смиренные.

- Смирные, смирные, а так табуном и ходят. Гляди, а то натворят.
- Это только наблюдай, правильно. Такие года.

Ребята домчались до потребиловки и стали перед ней совещаться.

- Вызывай сюда дядю Николая, ты говорил о комитете.
- Да, так он тебе и пошел.
- Зови, на минутку.
- Выйдет, зови.

В дверях показался черный мужчина, лет тридцати.

Ребята сразу стихли.

- Вон он сам. Ты говори первый.
- Чего-то вы, ребятаже, прикатили? — спросил мужчина.
- Вон заговорил сам. Ну, начинай — шепотом настаивали мальчики.
- Ваня, однако, не мог решиться заговорить.

- Аль нападение на нас задумали? — вновь обратился к ним Николай — смотри, у нас револьвер есть. Живо всех уложу на месте.
- Хотим вас всех ограбить — первый отозвался Миша Чукаев.
- Молодцы, лучше не придумали.

Смущение сразу у всех прошло.

— Нет, дядя Николай, мы не грабить пришли вас — заговорили сразу на перебой несколько мальчиков и всей толпой придвинулись вперед.

- Ну, слава Богу, а то я, признаться, струсил.
- Буде смеяться!
- Мы в сурьез.
- Насчет комитету.
- Какого такого комитету?
- Кооперации.
- Хотим быть, как у больших в кооперации.

— Вот это дело! Только расскажите по одному, толком. Идем к сторонке.

Николай крикнул в лавку:

— Я сейчас.

И пошел на полянку сзади лавки.

Ребята вприпрыжку вились вокруг него и наперерыв без умолку говорили все сразу.

— Хотели мы играть...

— Стуканов сказал.

— А не знаем, как в кооперацию

— Продавать мы не хотим, надоело.

— Хотим общество.

— Комитет.

— Общество, чтоб завсегда играть вместе.

— Комитет будет приказывать.

Подошли и расселись на траве кружком.

Николай задумчиво крутил конец своей бородки.

— Знаете что, хлопцы? — сказал он наконец.

— Чего?

— Давайте мы в самом деле общество устроим.

— Давайте, дяденька Николай.

— Вы нам только расколуйте, что нам делать, а мы понятливые.

— Подождите, я сбегая домой.

И Николай быстро пустился к своей избе.

— Вот и общество сейчас сделаем, — радовались дети. — Николай, он не обманет.

— Он всегда за нас.

— Намедни посерчал со старостой, когда хотели наши рюхи с дороги разбросать.

— Говорил я вам, что общество можно, — торжествовал Ваня — сами увидите.

— Подождите форсить. Сказал можно, а что делать не знаешь.

— Опять все Николай устроит, он все умеет.

— А я первый сказал, я!

— «Я» последняя буква в азбуке!

Показался Николай с книгами в руках.

— Идет!

— Идет!

Снова все уселись в кружок.

Николай развернул какую то книжку, тоненькую, без переплета, и стал читать.

Дети жадно слушали сообщение, как в одном селе был весной устроен праздник, — сажали деревья, пели, танцевали, говорили стихи — все школьники.

— И мы учимся, а у нас ничего нет, — обиженно сказали ребята.

— А вот еще, слушайте.

Чтение продолжалось уже об американских детях, как они собираются обществами, путешествуют, живут подолгу в горах, как они ходят в клубы; там занимаются, кто чем хочет, — рисуют, учатся ремеслам, поют, представляют в театре, учатся также плавать, играть в разные игры, кататься на коньках. Кроме того, дети там принимают участие в охране города или села во время пожаров, следят за чистотой улиц и двора, по всякому стараются помогать взрослым.

— Вот бы и нам так...—сказал Ваня.—Давайте попробуем.

— И то, давайте! А собираться будем в школе!

— Чтож, в школу наверно нас пустят по вечерам.

— И праздник себе устроим!

— Будем деревья сажать!

— Дохлых кошек убирать!

— На пожар с ведрами бегать!

— Решено! Давайте выбирать комитет!

— Иди, Стуканов, ты первый сказал.

— Павлов, ты сильный, иди.

— Мурашев писать умеет красиво, лучше всех.

— Салин представляет ловко.

Шум и бестолочь поднялись на полянке.

Николай сразу водворил тишину.

— Вы приходите сегодня вечером в школу, приводите больше ребят, захватите и девочек...

— Девочек не надо! Они визжать больно умеют.

— Надо и девочек, теперь равноправие—ввернул новое словечко Ваня.

— Правильно,—подтвердил Николай—отделяться нельзя, а то вы про-
меж себя спорить и драться будете. Уж кооперация!... В ней все за-
одно: и мужчины и женщины. Значит, вечером придете?

— Всех собьем.

— Ладно. А до этого потолкуйте, кого вам в комитет выбрать и что
ваше общество будет на первых порах делать. Теперь айда!

— Спасибо, дяденька Николай, за поддержку.

— Век не забудем!

— Век, сто лет, не проживешь...

— Про-живем!—весело заорали ребята и пустились стрелой от по-
требиловки.

— Чудесит что-то наш Николай Митрич,—говорили крестьяне, на-
блюдавшие всю эту картину.

— Теперь ребят в кооперацию затащить хочет.

— Да, ну?

— Сейчас умереть. Потеха. Любит ребят, вот и хороводится с ними.

— Верно. Ему они скорей попа верят.

— Первый в табуне.

— Смотри какую-нибудь штуку отмочат.

— Плохого, окромя хорошего не сделает.

— Не таков человек. Наставление сделает.

— Не плоше учителя.

А Николай, заваривший всю эту кашу, наскоро отделался в лавке
забежал домой, закусил и быстро направился в школу.

Там он посоветовался с учительницей, Глафирой Петровной, до са-
мого прихода детей. Оба усердно обсуждали, как помочь ребятам, доста-
вали книжки, писали...

II.

Оживилась, зашумела пустовавшая летом школа.

Пришли с ребятами и несколько человек взрослых посмотреть, что
будет.

— Надо избрать председателя—предложил Николай собранию.

Старшие зашевелились.

Дети зафыркали тоже.

— Вот, Иван Стуканов пусть и будет за председателя—продолжал не смущаясь Николай.

Ваня спрятался за спины товарищей.

Иди, иди—вытолкнули его вперед.

Он стоял красный, не зная куда деться.

— Иди, Ваня,—позвала учительница—мы тебе поможем. Садись за стол в серединку.

Переваливаясь с шапкой в руках мальчик подошел к столу, обошел сзади сидящих и сел, где ему показали.

— Теперь секретаря, писать.

— Мурашева.

— Мурашев, иди.

Тот уже смелее первого подошел к столу.

— Киятры,—усмехнулись взрослые.

Но ребята были довольны,—сразу у них дело пошло, как у больших.

— Товарищи,—начал говорить Николай,—мы собрались сюда затем, чтобы устроить общество. Взрослые кооператоры говорят, что сила в объединении. Сами вы учили сказку про связанные и разсыпанные прутья.

— Знаем!—крикнул кто-то; но его тотчас же уняли товарищи.

— Когда были прутья связаны, их нельзя было сломать. А по одному все переломали. На что вам, когда вы еще дети, общество, сила единения? Как будто бы все это пустая затея. Однако, как давеча я читал некоторым из вас, во многих местах у нас и в других странах детские союзы начинают приносить большую пользу даже и взрослым, помогают нам, кооператорам. Главное дело, хорошо самим детям привыкать жить между собой в дружбе и братстве. Надо и нам попытаться сделать то же самое, ведь и мы не хуже других, не святые горшки обжигают. Как весело то будет... Глядишь, и в других деревнях станут перенимать. Для всех получится польза, а вам большая радость.

Ване он что-то сказал на ухо, и тот дрожащим голосом тихо проговорил, вставши со стула:

— Кто еще желает высказаться?

Послышался смех.

Но вдруг из кучки девочек встала бойкая, русая, красивая Даша и сказала звонко и отчетливо, вовсе не стесняясь и не краснея.

— И мы, девочки, хотим сделать общество. Чтобы вместе играть, учиться и пользу приносить.

И нырнула, как в воду, в толпу подруг.

— Отрезала—послышалось от мальчиков.

— Товарищи, прошу не шуметь—смело сказал Ваня, но тотчас же испугался и покраснел.

— Верно, молодцом—учил его Николай.

— Мы, мальчики, общество хотим—встал Чукаев—мы согласны.

— Все согласны!—вдруг закричало собрание.

Вновь начал говорить Николай.

— Видно, никто не против того, чтобы устроить общество. Остается нам выработать правила, которые обязательно должны исполнять все, кто в общество запишется. Сейчас я вам прочитаю такие правила, а если кто с ними будет не согласен или заметит неправильности, пусть потом скажет, и мы тогда решим сообща, как лучше.

«Общество детей села Ивановки устраивается для того, чтобы дать детям возможность сообща играть, учиться, помогать друг другу и взрослым.

Для этого собрание детей избирает председателя, помощника для записывания, казначея, который бережет у себя деньги общества и двух еще человек на всякий случай, если кто из первых захворает или откажется от своей должности. Понятно?

— Поняли?

— Дальше Эти избранные будут называться правлением общества. Они будут распоряжаться и исполнять то, что прикажет им общество. Все общество будет собираться на собрания не менее двух раз в месяц; Каждый член общества должен представить за себя двух поручителей, которые ручались бы, что он будет в точности исполнять правила. Вот эти правила. Членам воспрещается: 1) пить хмельные напитки; 2) курить. 3) ругаться и заводить ссоры и драки; 4) мешать другим заниматься или играть..

В члены принимаются девочки и мальчики от 9 лет до 17. Вот пока все. А что будет делать наше общество и как мы его назовем—об этом поговорим потом. Что скажете против моих правил?

— Мы чаще будем собираться—закричало собрание.

— Так и надо.

— Давайте выбирать председателя и всех.

— Давайте!

— Давайте!

— Товарищи—встал Николай—здесь есть бумажки. Кто кого хочет, тех и пишите на листок и давайте сюда на стол. Нужно пять человек написать. Кого напишете сверху всех, тот будет считаться председателем. Кто больше всего будет записан, те пять человек и останутся в правлении по большинству голосов.

— Знаем, слышали в потребиловке, как выбирали—отозвалось собрание.

Начались выборы.

Когда подсчитали голоса, то оказались избранными в председатели Ваня Стуканов, в его помощницы Даша, в секретари Мурашев, и еще Коля Рыжов и Саша Плотников.

— Прошу выбранных в правление подойти и сесть тут у стола—краснея сказал подученый Николаем Ваня.

Избранные гуськом подошли к столу и расселись.

— Теперь будем обсуждать, что общество делать будет—сказал Николай—прошу председателя дать мне слово.

— Можно—разрешил Ваня.

— Товарищи! По моему вам сначала нужно подыскать помещение, где собираться.

— Можно в школе по вечерам и по праздникам—сообщила учительница.

— Прекрасно—продолжал Николай.—Теперь вы сами придумаете, что бы вам сделать. А я вам посоветовал бы заняться тем, о чем мы давеча читали. Идет осень, а там зима. Занесет дороги и будет как всегда: то один, то другой заблудится из наших сельчан. Вот мы и обсадили бы деревьями дороги от нас. Кстати, засадить уж и овраги, а то они обсыплются. Возьмите под свою защиту всех птиц и животных, чтобы зря они не губились. От них польза земледельцу, а их каждый год гибнут сотни

в одном нашем селе. Считите-ка, сколько вы сами за лето из гнезд потаскали и побили яиц. Смотрите, чтобы не было му-ору у дворов. На пожарах не мешайтесь зря под ногами. не растаскивайте головешки, а помагайте с ведрами. Много найдется вам дела, стоит только подумать. Будете дружно держаться, и большие скажут спасибо. Желаю вам успеха в новом деле, а чего не одолеете сами, приходите ко мне, какнибудь разберемся.

— Спасибо, дядя Николай.

— Спасибо тебе за науку.

— Будем приходить завсегда.

— А теперь, товарищи, до свиданья — сказал Николай и ушел вместе с учительницей.

Дети остались без взрослых и растерялись.

— Что же теперь будя? — спросил Митя Поленов.

Кто-то фыркнул.

В углу крикнули по соловьиному.

— Товарищи! смело встал с своего места Ваня — кто будет шуметь, того за дверь.

— Правильно. Молодчина!

— Не озорничать, если мы теперь общество.

— Не хошь с нами, иди на порог и семь дорог.

— Председателя слушаться, сами выбирали.

— Товарищи, — сказала Даша — надо записаться, кто желает быть в обществе.

— Верно.

Секретарь Мурашев сделал тетрадку и стал записывать всех, кто называл себя.

— Давайте назовем какнибудь наше общество — предложил Чукаев.

— Давайте скажем — „Солнышко!“

— Заря.

— Ясная Звездочка — предлагали девочки.

— Лучше „Дружба“ — сказал Павлов.

— Дружба и есть. Это подходящей.

— Дружба!

— Называйте Дружба!

— Кто хочет называть Дружбой, поднимайте руки — сказал председатель.

Подняли руки все.

— Так и запишем. Наш общество „Дружба“.

— Когда будем собираться?

— Завтра и начнем в школе — сказал председатель. Потом он стал советоваться с членами правления. — Что же дальше? Обсудить что-ли еще что?

— Чего обсуждать, не подумавши. Лучше бы уж до завтра. А мы бы пока сообразили, что предлагать.

— Ладно.

И Ваня об'явил, стара'сь быть серьезным, совсем как на с бранях потребилки: „Об'являю заседание закрытым.“

Все с разговорами стали выходить на улицу.

— У нас теперь, как у настоящих потребителей — с гордостью рассказывали домашним в этот вечер дети.

— А что вы будете делать в своей „Дружбе“? — спрашивали их.

— Завтра обсудим, — заявляли они.

На другой день в школу пришло много народу, но председатель распорядился, чтобы в комнату входили только записавшиеся в члены общества. Мальчишки пришли на собрание с пустыми руками, но из девочек кое-кто захватил работу.

Чтобы не отстать от девочек, и мальчишки побежали искать работы. Скоро у половины собравшихся в руках оказалось какое-нибудь занятие. Кто шил, кто вязал чулки, кто ковырял лапоть; один плел корзину — Мы будем петь — сказали девочки.

— А мы подтянем — ответили им мальчишки.

Составили хор.

Пришедшие без дела волей-неволей стали присматриваться к занятиям товарищей и неумелые — перенимать.

Четверо расположились было в уголке с картами, но председатель немедленно запретил им это.

Когда петь устали, а расходиться еще не хотелось, попросили у Глафиры Петровны книжку стихов и стали читать вслух, кто лучше.

Об этом сразу заспорили и начали разбирать — какой писатель лучше.

— Давайте, товарищи, представлять — предложила Даша.

Выбрали сказку и начали каждый в отдельности изображать волков, колдунов, птиц.

Вечер прошел незаметно — занятно и весело.

— Завтра я вам всем картинок нарисую, кукол из глины наделаю — заявил уходя Чукаев.

Так начала жить в Ивановке „Дружба“.

III.

Дети совсем стали держаться „табунком“, как называли их взрослые в селе.

Время от времени всем обществом они шли на реку, забрав с собой хлеб, соль, картофель, котелки и спички.

Купались в реке, варили обед, играли на просторе в лапту и другие игры, где можно было силу проявить, побегать.

Домашним не всегда нравилось такое отсутствие детей из дома, и они нередко поругивали „Дружбу“.

Вдруг произошло событие, которое сразу доставило обществу всеобщее уважение.

Как раз на Ильин день зазвонили в набат.

Горела изба в середине села.

Небольшой ветерок трепал горящую солому и обсыпал искрами близко стоявшие дома.

Как всегда, первыми на пожар прибежали дети.

Вдруг Ваня Стуканов стал созывать своих товарищей: „Ребята, дружные, все сюда, в кучу!“

Когда дети собрались, он сказал: — Надо нам держаться наших правил.

— А что?

— Ташиге по ведру. Будем подавать воду цепью, как в книжке тогда Николай вычитывал.

— А как это цепью?

— Сообразим.

— Давайте спросим Николая. Пока мы сбегает за ведрами, ты его, Ваня, разыщи.

Быстро члены „Дружбы“ рассыпались по избам и через несколько минут уже мчались на реку за водой.

— Стой—остановил всех Ваня, уже поговоривший с Николаем, когда все ведра были наполнены—по ведру таскать—скоро умаешься. Становишься в черед, шагов на пять, от пожара до самой речки и передвигаете из рук в руки ведра. Туда с водой, а оттуда пустые.

Дети сразу сообразили.

До пожара протянулась живая цепь.

Ведра с водой и пустые ходили из рук в руки туда и обратно.

Дети работали, не уставая, потому что перенести ведро на пять шагов вовсе не было трудно.

Шутки и смех то и дело перебегали по цепи.

На пожаре взрослые только переглянулись на ребячью затею и сразу приняли услуги детей.

— Живо, поворачивайтесь, дружные,—подгоняли их.

Ведро, полное воды, всегда оказывалось наготове у огня.

К тому же, впервые у пожара было просторно действовать, потому что дети не вертелись под ногами.

Усердие „дружных“ заражало и больших: против обыкновения на этот раз даже любившие посмотреть и пошутить, глядя на чужое несчастье, и те работали, сколько могли.

Пожар быстро потушили, не дав ему распространиться.

— Ребятунки, Бога за вас молить стану—кланялась детям хозяйка соседней избы.

— Спасибо, товарищи—серьезно сказал самый уважаемый в деревне старик Филатич и пожал Ване руку.

Дети, гремя ведрами, разбежались по избам.

Вечером все собрались и пожелали обсуждать общественные дела.

Ваня открыл заседание.

— Товарищи—стал говорить Мурашев—хорошо мы сегодня работали, а только про свои правила до сегодня и не вспомнили. Надо жить по правилам.

— Делов таких нет.

— Как нет? Вот, к примеру, мы заседаем, а из правления у нас не хватает двух. По какому случаю?

— Сам знаешь. Чего зря спрашиваешь. Известно, в тифу лежат.

— То-то в тифу. Да окромя них больных с десятков наберется. А ты говоришь, делов нет. Тиф выводить надоть.

Ребята покатались со смеху:

— Вот так дохтур нашелся! Тиф будет выводить.

Мурашов обиделся: „Ржете, а сами не знаете чего. Чай вместе про американских-то ребят слушали. Что они, скажешь, не вывели тифа и прочую хворь в разных там местах?

Тут дружные стали припоминать общими силами. Всех подробнее вспоминала Даша:

— Ну да! У них мух было много. Помните? И ученые об'яснили, что мухи переносят болезни. Ребята сделали общество—мух выводить, а их никак не выведешь, потому накидано мусору, пада и и все такое. Мухи от этого разводятся. Помните? они тогда стали убирать мусор.

— И дохлых кошек! Как же, мы еще хохотали с Николаем...

— Вот, это самое—обрадовался Мурашев.

— И мы давайте мусор везде убирать.

- Засмеют....
- Ну, и будут дураками.
- По моему я да и отстанут. Потом поймут.
- Ладно. А куда его деть?
- В овраг засыпать, вестимо.
- Идет.
- Завтра же и начнем.

На другой день село было опять удивлено.

„Табунок“ сразу высыпал на улицу с носилками, с ящиками, с лопатами.

Мусор, валявшийся среди улиц, счищали, клали на носилки и отправляли за село в овраг.

Убрали из канав два трупа кошек и закопали в землю. Засыпали большую лужу, посреди улицы, почитай-что никогда не просыхавшую.

— Вроде, как на Троицу вырядили — усмехались взрослые на ребячью затею, но не препятствовали им „чудить“.

Иные считали, что дети занимаются пустым делом, но вреда в том не видели: „Благо-мол, не шалят.“ После пожара на „дружных“ все поглядывали ласково.

Решили уговаривать домашних убирать почаще мусор и са и завели обычай каждую неделю таскать в овраг, что наберется.

— Неужели и правда, на будущий год нашими трудами село избавится от вечных повальных болезней?

Так думали „дружные“ — и сердце у них замирало от радости. Следующее лето показало, что это правда. Тиф, против обыкновения, в деревне не появлялся.

Не было и кровавого поноса. Заглянула к ним, правда, корь по дороге из соседней деревни, но уж без этого никак нельзя. Впрочем, перехворали немногие.

Мух было мало и «дружным» было только обидно на те избы, где никого из них не было и где не хотели знать их советов не копить мусора в домах и дворах.

— Товарищи, — заявил на собрании Рыжов — давайте лето провожать.

— Как?

— Вот скоро уборку совсем кончим, там и осень. С сентября лета не будет.

— После Успеньева дня, в воскресенье устроить праздник — постановило собрание.

Новое развлечение вскоре доставили „дружные“ своему селу.

В назначенное воскресенье, после обедни по улицам с пением ходил „табунок“.

На палках развевалось два красных флага.

Громадный венок, сплетенный из ржи, сена, цветов, гречи, проса, льна и конопли несли два мальчика и две девочки в венках.

На знаменах была надпись:

„Общество „Дружба“ детей в селе Ивановке.“

„Дружно — не грузно, а врозь, хоть брось“.

В середине венка на белой полосе написали:

„Прощай, лето и красное солнышко!“

Вечером в школе вновь пели, говорили стихи о лете и осени, играли в игры, представляли осень мокрой старухой.

— Гремит наш табунок—говорили взрослые.

— Гляди и озорства от них стало меньше.

— Какое, видишь общественным делом занялись.

— Гляди и толк выйдет. Лучше нашего проживут.

Осень и действительно была не за горами.

Скоро членам „Дружбы“ и пришлось усесться за книги в школе.

В сентябре пришлось готовиться к празднику древонасаждения.

На этот раз решили „закатить“ праздник, так праздник.

Заучили пьесу и сыгрывали для спектакля.

Спевались хором.

Шили наряды, мастерили украшения, флаги, надписи, малевали картины.

А главное, во всякий свободный час готовили места для посадок.

Вдоль всех дорог, выходящих из Ивановского, саженей на пятьдесят одно от другого, предположили посадить по одному дереву с каждой стороны.

По селу такие же посадки наметили перед каждым двором, в переулках, перед потребилкой, школой и церковью.

Для всего этого рыли ямы аршина по полтора глубиной в свободное время.

В лесу намечали молодые деревца к посадкам.

— Больно жидко на дорогах хотите посадить—говорили детям.

— Если деревья до следующей осени усидят целыми, между ними еще посадим—ответили те.

Под Покров „табунок“ с песнями отправился в лес за деревьями.

Накопали молодых осин, дубков, орешника, диких груш целые вороха.

Вечером совещались окончательно как проводить праздник.

На другой день ивановцы с любопытством наблюдали, как мудрил „табунок“.

У каждого на плечах качалось несколько дерев.

В руках лопаты.

Красных флагов прибавилось.

„Идет, гудет зеленый шум!“

— И откуда только они слова такие подбирают—удивлялись читавшие эту надпись—в самом деле зеленый шум. И сами-то еще зеленые, молоко на губах не обсохло, а поди сколько уж шуму о себе наделали.

— Боевой табунок.

— Дети, не смущаясь, что на них смотрят, шли по улице с пением:

„Сеялось семя веками,

Корни в земле глубоко.

Срубают леса топорами,—

Зло вырывать не легко.

Нам его с детства привили,

Деды сроднились с ним.

Мертвые в мире почили,

Дело настало живым“.

— И песня подходящая—одобрили на селе.

«Дружные» прошли в конец села, вышли на дорогу и начали закапывать деревья, по десять штук с каждой стороны.

Сразу по всем дорогам на версту от околицы закачались под ветром зеленые ряды молодых деревьев.

Их тут же подперли кольями на зиму, плотно привязали, снизу обмотали соломёнными жгутами.

Потом шла посадка по селу.

Здесь дело пошло быстрее, потому что перед своими домами дети надеялись сами уберечь деревья.

Взрослые ходили любоваться на работу детей.

— Как на Троицу!

— Красота, если сбережется.

— Надо беречь, зимой и то какое облегчение, вешек не нужно.

— Младенцы стали старших на ум наставлять.

— Мудрость, одно слово.

К четверем часам всюду качались зеленые деревца, весело шумя опадающими листьями.

С шести в школе началось празднество.

Допущены были все, кто хотел, поэтому народу набилось в плотную.

Когда подняли белые простыни, заменявшие занавес, глазам зрителей представилась комната, где ходили и говорили небольшого роста старики и старухи, пожилые люди и совсем молодые, а детей не было — на всех были усы, бороды, длинные седые волосы.

— Ну и прокураты, как вырадились — с восхищением отзывались взрослые.

Никто из них не подозревал, когда это дети все готовили, а теперь не могли узнать в ряженных собственных детей.

— Гляди, Малань — говорили между собой две женщины, весело глядевшие на сцену — хоть ты меня расказни, не узнаю, где тут мой Михалка болтается среди них. Поделают же!

— Родная мать наплачется, не узнавши.

После представления говорили стихи, пели.

Учительница прочитала коротенькую статейку о пользе деревьев.

— Вот у нас свой киятр есть — шутили посетители, расходясь с вечера.

— Молодцы, дружные, нечего говорить зря.

— Подобрались, что и сказать.

И невольно все, прежде чем войти в избу, смотрели вдоль улицы, на стройные два ряда деревьев, выросших точно в сказке за несколько часов перед тем, куда ни глянь.

IV.

Пошли сырые, грязные дни.

„Дружба“ все больше засиживалась в школе.

Больше стало приходить народу с работой.

Перенимали друг у друга ремесла.

Забыли, кто предложил первый:

— Давайте наше мастерство на базаре продавать, в городе. Будем сами добытчиками. Хорошо стоять на собственных ногах.

— А кто будет возить?

— Свезут. Сначала наработай.

Всем понравилось предложение.

Многие уже умели плести корзины из соломенных жгутов, перевязывая их веревочками.

Принесли по-немногу пеньки, по снопу соломы.

Набралось очень много.

Работа закипела.

Одни крутили жгуты.

Другие плели веревочки.

Третьи работали корзины, чашки для хлебов, коврики вытирать ноги.

Всем дела хватало с остатком.

В две недели к базарному дню наготовили товару положить на воз.

И призадумались.

— Кому свезти?

Выручил опять Николай из потребиловки.

— На базар поедут от нас за товаром—сказал он—мы туда вас отправим и оставим до конца базара. Торгуйте сами. Потом за вами заедем и на возу все вернетесь.

Торговать отправили Стуканова и Рыжова.

Цены были известные и собрание накануне базара постановило не дорожиться.

Несмело торговали на базаре «дружные».

Дело не клеилось, как будто выручали мало.

— Придется нам все назад тащить—сомневался Рыжов—теперь и на воз некуда класть. Потребилка товару накупила.

— Увезем со своими, с сельскими—ободрял Ваня.

А у самого так и замирало сердце от тревоги.

Издали заметили быстро идущего к ним Николая.

— Как торгуете, купцы?—весело приветствовал он их.

— Плохо, дядя Николай.

— Не знаем, на чем везти назад будем.

— Э, да вы уже и нос повесили.

— Засмеют теперь нас, как вернемся.

— Этого нечего бояться, ерунда. Подождите, я сейчас.

Он куда-то ушел и вернулся с мужчиной и мальчиком в переднике.

— Забирайте вот все у них.

— Куда, дядя Николай?

— Городская потребиловка положит у себя и будет продавать, а вы потом через меня деньги получите. Запишите сколько какого товару сдаете.

Когда ехали домой, Николай сказал:

— Если бы вашего товару было, ребята, много, можно его было бы даже в Москву отправлять.

— Можно и много сделать.

— Вот, кабы вы умели из прутьев плести.

— Научиться не мудрено.

— Хотите я вам мастера достану?

— Только ему заплатить нужно, а где вы денег возьмете?

— Денег у нас нет—печально сказали мальчики.

— Ладно, коли так. Только уговор, не вешай головы, не печаль хозяйина.

Он заговорил о другом и больше не вспомнил о корзинах.

Весть о неудаче с корзинами на базаре всех придала.

Некоторые споряча даже хотели и из общества уйти.

Пока вечера коротали кое-как, главным образом за чтением.

На работу — не хотелось и смотреть.

Вдруг кто-то принес однажды в сть, что было общее собрание потребилки и там отпустили денег «Дружбе», чтобы учиться корзино-плетению.

Однако Николай не шел, и верно узнать не у кого было.

Раз вечером он неожиданно явился в школу и с ним румяный неизвестный старик.

— Вот и наши «дружные» — представил он старику детей.

— Сколько их годных наберется? — спросил тот.

— Душ до сорока.

— Дело пойдет на лад, вид у них шустрый.

— Ребятёж, обратился Николай к детям — это вам учитель корзины плести. Жалование ему заплатит пока наше потребительное общество, только вы скорее его ремесло перенимайте, а то нам будет убыточно. денег ему много придется заплатить.

— Спасибо.

— В момент перейдем.

— В момент, тогда вам их учить не стоит, Кирилл Петрович — сказал Николай мастеру.

— Они сначала выучатся, потом подучиваться будут — шуткой же ответил мастер.

Старик понравился детям.

На следующий день под его предводительством они отправились на берег реки за ракитником и возвратились с целыми охапками.

Теперь вечера были заняты корзиноплетением под руководством Петровича.

Дети выплетали одну корзину за другой и отправляли их в сарай потребилки.

Что с ними будет дальше, они не знали, но так распорядился Николай, а они ему верили.

Однажды, забрав несколько корзин, он куда-то уехал и пропадал дня три.

А когда вернулся, то весело сказал:

— Работайте, ребята, по прянику к святкам выработаете.

По его заказу опять стали делать корзины и из соломы, плели лапти из веревок и лык.

Первую их партию товара в городе, между тем, продали, деньги Николай привез и предложил не делить, а положить на книжку в кредитное товарищество.

«Дружные» так и сделали и с гордостью стали высчитывать проценты на свой общественный капитал. Строили план, сколько можно на эти деньги накупить книжек, картин и всяких интересных вещей, сколько можно сделать добра, как можно повеселиться.

Под Николу весь наготовленный артелью товар выгрузили из сарая потребилки, наложили в несколько саней и увезли.

Уехал и Николай.

Перед отъездом он спросил детей:

— Ну, ребята, говорите по совести: вы своего ремесла не бросите?

— Не бросим! Ни в жисть не бросим. Понравилось.....

— Значит, можно дело оформить по всем правилам?—И связать вас с серьезными людьми?—Не подведете?

— Не смлевайся! Валяй, дядя Николай.

— Ладно, будем орудовать.

Потом он сказал работавшим, чтобы они работу остановили и готовились к елке на Рождестве:

— Будет, поработали, пора и отдохнуть. А я вам гостинцев привезу. Только через неделю вернулся Николай и велел вечером всей «Дружке» собраться собранием.

С нетерпением все ждали от него новостей.

— Товарищи—стал он говорить—поздравляю вас с успехом. Ваша «Дружка» теперь не просто для игры, а будет настоящей кооперативной артелью кустарей корзинщиков. Ко-о-пе-ра-тивной! Вникайте. Слово «кооперация» это такое слово, что лучше некуда. Если перевести на русский язык, выходит «сотрудничество». Значит, кто сообща трудится для общей пользы, те кооператоры. Поняли?

— Поняли, поняли! Это мы очень хорошо понимаем. На то мы и дружные.

— Ну хорошо. Коли так, вот вам и печать ваша.

Он передал какую то штучку, и по рукам пошла ходить круглая печать из новенькой сырой резины, на которой стояла надпись «Артель» кустарей-корзинщиков «Дружка».

— Ваши изделия я распродал губернскому кооперативному союзу. И он еще нам заказал присылать сколько ни наработаем. Вот отгуляем праздники и снова за дело. А пока давайте сочтемся. Вы, небось, кооператоры. Подачек вам не надобно. Вернете ссуду и будете знать, что крепко стоите на собственных ногах.

Он подсчитал, сколько было расходов, сколько уплатили жалованья Петровичу и высчитал из суммы, полученной за товар. Осталась сумма в 154 р. 11 к.

— Деньги небольшие, конечно—сказал Николай—но зато они ваши и заработаны вашим собственным трудом. Сложите с теми, какие у вас в кредитном, выйдет двести с лишним. А долгов на вас нет больше ни копейки никому. Сейчас пока мало доходов, потому что вы жалованье учителю платили, а когда сами станете работать то вам будет оставаться больше. Я предлагаю все ваши деньги разделить на всех, но не раздавать по рукам, а считать каждую долю паем. Паи пусть остаются в артели и составляют артельный капитал. Желаете?

— Хотим!

— Желаем! А только как же елка?

— Ладно. Из всей суммы положим, ну сколько хотите на елку?

— 25 рублей!

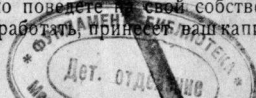
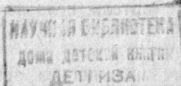
— Много!

— Как раз!

— 25?

— 25.

— Двадцать пять в самый раз достаточно. Остальные разделим на паи. С Нового Года вы свое дело поведете на свой собственный паевой капитал. Будете дружно, толково работать и принесете ваш капитал прибыль.

А с прибылью каких только делов не наделаешь. Главное дело, вы сможете помогать новым таким же детским артелям и обществам. Ведь не всяким ребятам так повезло, как вам. Вы им помогите, а они, ставши на ноги, еще другим, так и пойдет... Дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабку... Кончится тем, что ребята нашей округи общими силами вытянут свою репку. А какая это репка созрела для вас малышей, в родной земле?—Правильная жизнь— вот такая ваша репка... Правильная, пропитанная братскими привычками и радостным трудом.

Подумайте, это ли не счастье? Так то, братики... Эх, «еслиб можно молодцу начать жить сначала»... Наше детство не так протекало.

Визг и шум поднялся у ребят, когда закрылось собрание. Шутка ли сказать... Они теперь артель, пайщики, настоящие кооператоры.... Было от чего потерять голову.

Долго они прыгали, скакали, пели, бросались обнимать Петровича и Николая.

А с другого дня усиленно стали готовиться к праздникам.

Хлопот было по горло.

Строили снеговую гору, расчищали лед для катанья, клеили, рисовали, спевались, разучивали для спектакля пьесу.

Раскутились «дружные».

Стон стоял по селу на праздниках от их забав.

Всех они распотешили и елкой с песнями, с пляской, с играми, с музыкой под гармоники, и ряжеными, и спектаклем.

Целые дни до поздней ночи шло у них веселье и «табунок» почти не разлучался. Очень они свыклись друг с другом. Особая любовь связала некоторых из них; братья по артели были дороже родных братьев и сестер.

Как будто и обычного пьянства и картежной игры было меньше в этом году, потому что «дружные» то тем, то другим развлекали народ.

Взрослые не препятствовали «табунку» куралесить, а иногда старики, насмотревшись ребячьих затей, серьезно говорили между собой:

— Гляди, молодо зелено, а найдут свою дорогу.

— Нашли уж.

— Не наше время. Тогда больше ученье на кнутаовище висело.

— Вернуться бы, да помолодеть. Антиресно пожить с таким молодыаком.

— Больно ловко у них все, да скоро выходит.

— Дружные. Друг за дружку стоят, друг дружке помогают.

— Вон и артели сноровили в одночасье, капиталисты сделались.

— Хлебом сще кормить от артели нас станут.

— Не плохо бы и нам по такому согласию жить.

V.

После праздников работа в корзиночной артели закипела.

Теперь уже правление артели вело точный учет всем работам, всем расходам.

Дело вели на свой капитал.

Через месяц Петрович получил из артельских собственных денег жалованье и уехал к себе.

Но перед отъездом он внес пай в артель и пожелал, чтобы и его изделия продавались через губернский союз.

— А если я у себя налажу такое-же дело, как у вас—говорил он на прощанье—то тогда мы устроим свой союз артелей корзинщиков.

Дети проводили его любовно, и еще теснее сплотился их кружок.

Понимали, что без мастера нужно лучше работать, а то работу не будут брать и артель распадется.

К масленице отправили первую большую партию и с замиранием сердца ждали, какие вести привезет Ваня, повезший товар с Чукаевым.

— Вдруг скажут: «не нужно»;—пугали себя сами ребята—мол, еще старье ваше валяется.

— Пропали наши и труды и денежки.

— Уж лучше бы нам только веселиться, да читать, а не заниматься такими делами.

Но Ваня с Чукаевым вернулся без товара и по лицу было видно—с удачей.

Собрали собрание и объявили, что губернский союз признал их работу хорошей, еще набавил на товар и требует все больше и больше изделий.

«Дружные» так заорали при этом сообщении, что на улице прохожие испугались—не несчастье-ли какое в школе стряслось.

Так же бешено гуляли масленицу, как и на святках.

А с поста вновь взялись за работу.

Теперь все работали смело и уверенно, хорошо отделявали товар, знали, что не попусту работают.

Каждому было лестно сознавать, что в кредитном растет их общая артельная сумма, которую они делить не хотели ни за что.

— Вырастем—постановило собрание—и кто из нас бедный, будем ему из общих денег помогать на какое-нибудь дело. Если, скажем, болезнь или скотина пала, или мало ли еще что. Как советовала учительница. А еще дом себе общий выстроим. А брать по рукам не стоит, пока денег не очень много: разойдутся незаметно, а так они общие; чего зря растаскивать! Вместе работаем, вместе на общее какое-нибудь дело и потратим.

«Ближе к весне такое дело подвернулось.

— Братцы,—сказал однажды Стуканов—работать мы работаем, а чего доброго мы всю ракиту переведем. Тогда нашей артели крышка будет.

— С чего переведем, ея гибель на речке.

— Была гибель, а смотри, сколько мы ее погубили. Одни комли стоят.

— От комля новые прутья пойдут. Еще лучше.

— Да и не хватит нам ее, если с зимы раздуем, как следует, дело.

— Так что-же делать?

— Слушайте, что я надумал. Давайте у общества земли просить.

— Ну!?

— На что?

— Разводить ракиту.

— Скажут тоже.... Кто-ж это ракиту разводит? Изгороди ракостью обсаживают, это точно. Коли бы нам было что городить....

Ваня задумался, а немного погодя хлопнул себя рукой по лбу и закричал: «Надумал! Право слово, надумал, ребята.... Разведем-ка огород... Будет тогда что огораживать, ракостью обсаживать или другими прутьями; говорят, еще лучше есть для плетенья! Тогда стоит землю просить.

— Ой, не дадут нам земли.... Скажут, куда уж вам.... Не сумеете.

— Еще как сумеем то! Лучше ихнего. Они что, одну картошку сажают. В других местах вот разводят всякую всячину. помните учительница в книжке читала. Мы книжек таких достанем, либо опять учителя выпишем, в лучшем виде справимся. Поставим ульи с пчелами, яблоков, малины, вишенья насажаем. Будет у нас свой сад. Красиво будет у нас, цветов посадим. А когда большие вырастем, денег много наберем, на них себе и мастерскую общую выстроим. За мастерской еще что-нибудь общее, и пойдет, и пойдет...

— Ловко придумано! Люблю, когда... новшества...

— Мед и яблоки я люблю.

— Оно и малина, брат, не худо.

— Верно. Садов у нас и в заводе нет, только и поешь, что на базаре, да в лесу леснику. Станут у нас другие перенимать, и другим пользу сделаем.

— Так идет?

— Идет. Доверяем тебе хлопотать, Стуканов.

— Хлопочи, мы поддержим.

Стуканов отправился к другу, к Николаю в потребилровку.

Тот тоже обрадовался.

О саде я давно думаю, сказал он—только взрослых на это дело у нас не раскачаешь. А дело и приятное и выгодное. Мед и всякую овощ куда хочешь продашь, да и себе годится. Насчет всего этого я потолкую в городе с агрономом. Хорошо, если вы почин на себя возьмете. Тогда, гляди, и старики с места стронулись бы. Огороды, сады, пчельник—дело прибыльное, в хозяйстве большое подспорье.

После переговоров с агрономом, Николай привез новость, что для корзинок можно разводить особый прут, длинный и гибкий, много лучше ракиты.

Потом он начал готовить сельские волости к просьбе детей.

У общества были пустоши, и выгадать клоч земли было не трудно.

Он рассчитывал, что «дружным» отказа не будет.

Перво на перво, было им сказано подать бумагу с просьбой к сходу.

Почти все воскресенье сочиняли заявление.

И написали:

«Мы, артель кустарей корзищиков «Дружба» обращаемся к нашему сельскому обществу с просьбой. Отпустите нам две десятины пустопорожней земли, а мы на ней разведем сад, огород, пчельник и нужные нам для корзинок прутья, которых может не хватить на работу. Работать мы обещаемся артелью, как живем сейчас. За землю заплатим аренду, какую спросите. Так мы постановили на своем собрании.»

Внизу листа шли подписи всех членов артели и круглая синяя печать.

Лист передали и стали ждать.

Однажды, когда вся артель сидела в школе за работой, раздался в окно стук.

— На сходку, председателя—донесся голос.

— Вот-те раз!—почему то обробели дети.

— Ваня, ты не бойшься?—спрашивали они Стуканова.

Тот, заметно бледный, храбрился.

— Ну, чего они мне сделают!

— Пойдемте и мы с ним, в случае чего.

Побросали работу, все равно было не до нее, и помчались к сбор-ной избе.

На улице перед избой стояла толпа народу.

— Земледельцы идут — слышались голоса.

— Артельщики.

— А все так табуном и держатся.

— Кооперация, иначе нельзя им.

Ваня, бледный, подошел к председателю схода и дрожащими губами сказал:

— Што?

— Вот председатель нашей артели, — обратился к собравшимся тот комиссар, — что-же мы им ответим, граждане?

— Чего больше — дать по заявлению.

— Как говорено было.

— Сдать безвозмездно.

— На двенадцать годов.

— Они ребята правильные, дела пустого не вздумают.

— Они себя показали, теперь верим им, потому и даем без сомнения. Значит решение постановлено. Слушай, Стуканов, наше решение и передай своим товарищам. Мы все ваши здесь родные и старшие много довольны вашей кооперацией и всей вашей дружбой. Сомнения на ваш счет никакого не имеем. Видим что вы растете люди правильные, честные и будете крестьяне хозяйственные, настоящие, к к и мы, мужики. А потому сего числа, собравшись на полный сход всех домохозяев, для разных наших общественных делов, заслушали ваше заявление насчет земли и посоветовавшись между собой, единогласно приговорили — дать артели «Дружба» около оврага две десятины земли, по вашей просьбе на двенадцать лет сроком, без всякой платы. Понял? Вот и передай такое наше решение всем своим. Как обмеряем вам на днях, так можете приступать к работе.

Ваня стоял бледный, потом красный и мял шапку в руках.

Он только и сумел ответить:

— Спасибо.

И низко поклонился.

— В добрый час — прогудела сходка.

— А теперь иди к своим, аль оставайся слушать наши общественные дела, привыкай.

— Я пойду — прошептал Ваня — спасибо всем вам.

Опять поклонился смелее на все стороны, надел шапку и нырнул в толпу.

Стрелой подлетел к своим.

— Дали! — только и мог он выговорить.

— Ур-ра! — заорала артель и шапки полетели к небу.

На сходке мужики только ухмыльнулись в бороды, услышав этот крик.

Начались новые заботы и работы у артели. По просьбе Николая приезжал к ним из города агроном. Научили их, что и как делать. Дела оказалось пропасть, — только поспевай!

Участок упирался в овраг. Чтобы он не обсыпался, заплели берег плетнем, засадили кустарником, ракиты.

Окопали валом и рассадили вместо огорожи черенки прутьев, достав-ленных агрономом.

Пахали землю, делали гряды, сажал деревья.

Купили на артельные деньги пять рамочных ульев пчел.

В промежутке учились и с учительницей, и сами по книгам садоводству, огородничеству, пчеловодству. То и дело бегали советоваться с Николаем. Тот завел кучу книжек и все рылся в них, чтобы не ошибиться в своих указаниях артели. И ему и ребятам непременно хотелось сделать все как можно лучше.

Кончили последнюю партию корзин к Пасхе и решили отложить это дело до осени.

— Теперь земледельничать будем — решили единогласно.

Выше поднималось солнце, разогрело землю, стала она убираться листьями, травами, цветами. Милой, родной казалась она «дружным», как никогда до тех пор.

Зацвел, зазеленел прежде голый пустырь, зажуужал пчелами, оживился артельный участок «Дружбы».

Весело и красиво начали лето «дружные». Бодро и светло глядели они вперед. Хоть и маленькие, они успели уже убедиться, что в «единении сила». Сердце говорило им и другое, что «в единении — правда».

ИЗДАНИЯ

ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОЮЗА ПОТРЕБ. ОБ-В.

I. Серия „Чтения по кооперации с туманными картинами“.

- № 1. М. Хейсин. Что такое о-во п-лей и какая от него польза. С 25-ю рисунками. *Издание 3-е* — 35
- „ 2. М. Хейсин. Потребительская кооперация в Дании. С 22-мя рис. *Издание 3-е* — 25
- „ 3. А. Меркулов. Что такое Центросоюз. С 19-ю рисунками. I 75

II. Серия „Для кооперативной пропаганды“.

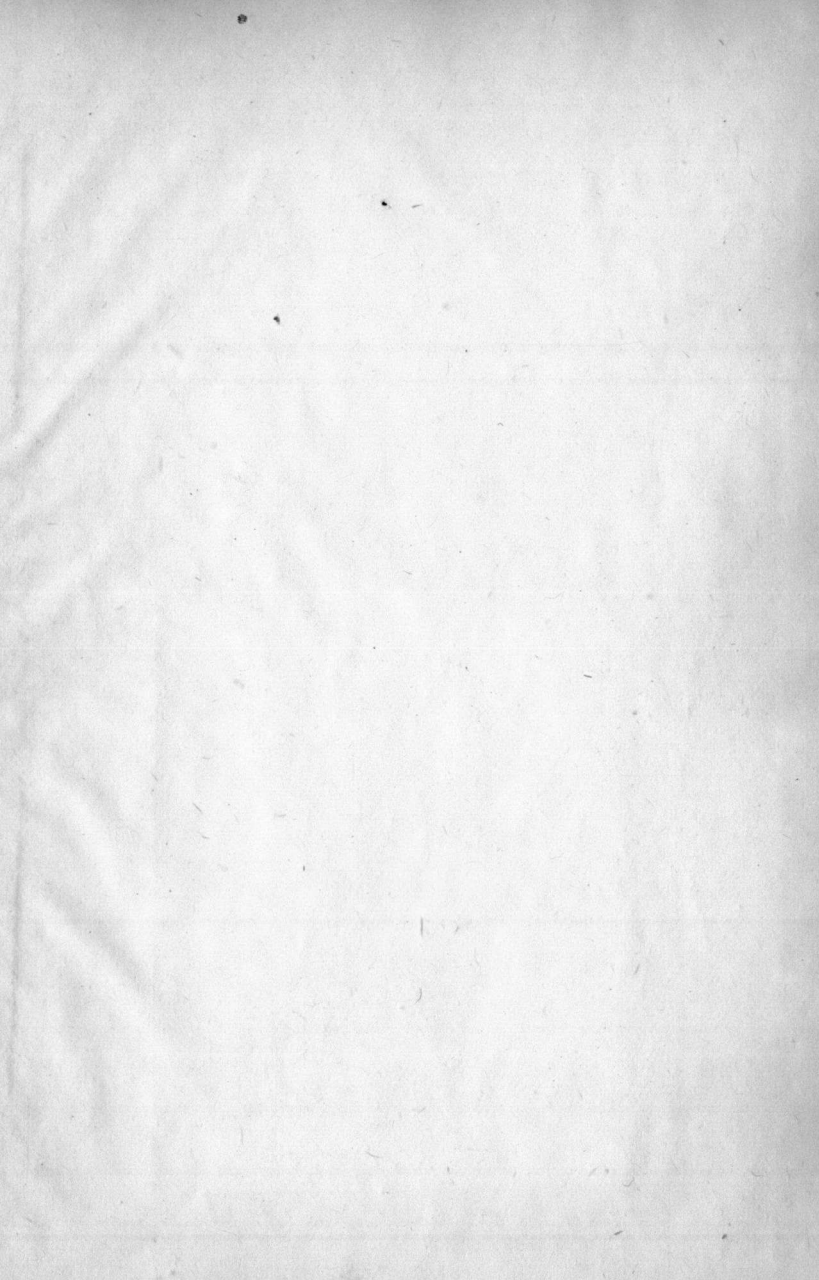
- № 1. Как все у мужика в долгу остались. *8-е издание*. С 6-ю рисунками — 25
- „ 2. Волшебный корабль или братская помощь (быль). С рис. *5-е изд.* — 15
- „ 3. I. Кобылянский. Как общество потребителей построило свою мельницу. С рис. *4-е изд.* — —
- „ 4. М. Безыменная. Зовите женщину. С рис. *3-е изд.* — 20
- „ 5. В мире кооперации. *3-е изд.* — 25
- „ 6. Кооператор наизнанку. *3-е изд.* — 20
- „ 7. С. Цедербаум. От малого к большому. *3-е изд.* — 25
- „ 8. Сон в летнюю ночь. *2-е изд.* — 25
- „ 9. Сон ткача — 25

III. По культурно-просветит. деятельности кооперативов.

- Л. Арманд, А. Никитин, А. Зеленко и И. Кондаков. Народные Дома. С приложен. образцового устава, планов и смет разных типов Народных Домов. *3-е изд.* 2 25
- А. Арманд. Кооперация и Народные Дома (С рис.) *3-е изд.* — 25

Л. Арманд. Краткие указания по культурно-просветительной работе кооперативов. 2-е изд.	— 25
П. Блиновский. Гимны кооперации Стихотвор. 2-е изд. 2 —	
Гейерман. Гибель «Надежды», пьеса в 4 д. 2-е изд.	1 —
М. Горький. Ома Гордеев. Переделано для сцены. 4-е изд.	— 75
А. Клепиков. В «Низинах», сцены в 4 д. 4-е изд.	1 10
С. Крюков. Дети—граждане будущего. Детские площадки и клубы. 2-е изд.	— 30
А. Подсосов. «В борьбе», драма в 4-х д. 4-е изд.	— 45
М. Шишкин. Кулак, пьеса (по И. Никитину). 4-е изд.	1 25
Его же. «В мутной водиче», пьеса в 1 д. «Писатель», инсп. разск. Чехова. 3-е изд.	— 75
Его же. Перед весной. Картинка из дерев. жизни в 1 д. — —	
А. Чехов. Четыре рассказа (Унтер Пришибеев, Торжество победителя, Хамелеон, Хористка), переделанные для постановки в народных театрах. 3-е изд.	— 30
Из практики культурно-просветительной деятельности кооперативов. 3-е изд.	— 65

50к.

Цена ~~2 р. 25 коп.~~

Выписывать из склада издательства В. Ц. С. П. О.
МОСКВА, Переведеновский пер., д. № 13 соб. дом.
Телефон 4-35-31.